

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Правительство Новосибирской области

Редакционная коллегия:

Б. Л. Аюшеев (Улан-Удэ)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
Б. Я. Бедюров (Горно-Алтайск)
Т. Г. Четверикова (Омск)
Б. С. Дугаров (Улан-Удэ)
А. В. Кирилин (Барнаул)
Э. И. Русаков (Красноярск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Н. М. Закусина (Новосибирск)
Е. Ф. Мартышев (Новосибирск)
А. Ф. Косенков (Новосибирск)
В. С. Никифоров (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Максим Долгов
и. о. начальника отдела художественной литературы
Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы
Михаил Косарев
начальник отдела общественно-политической жизни
Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Главный редактор: М. Н. ЩУКИН

9/2016

Содержание

ПРОЗА

- Александр ЛАПТЕВ. Армань.**
Документально-художественное повествование. 3
Николай МЯСНИКОВ. В ожидании тепла. Рассказы. 55
Евгения ЧЕРНЫШОВА. Жупь. Истории про Сашу. Рассказы. 79

ПОЭЗИЯ

- Анатолий КОБЕНКОВ. Тень ласточки.** Стихи. 44
Сара ЗЕЛЬЦЕР. «Пока зима печатает курсивом...» Стихи. 75
Сергей ШКУРО. Из детства. Стихи. 90
Вячеслав БОЯРСКИЙ. Предутренный сквозняк. Стихи. 91

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Всеволод ИВАНОВ. Проспект Ильича.** Роман. Продолжение. 95

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Арнольд ХАРИТОНОВ. Спасибо, что жил...**
Анатолий Кобенков: портрет на фоне времени. 133

Народные мемуары

- Владимир ЗВЕРЕВ. «Город ожил, Совет бежал, появилась новая
власть...»** Выписки из дневника. 155

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ренат БЕККИН. Мокрая курица татарской литературы,
или Кого предала Зулейха?** 180

Картинная галерея «Сибирских огней»

- Анна РАДЧЕНКОВА. «Картинки» Николая Мясникова.** 188

- Авторы номера* 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ. Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г. Главный редактор, директор-руководитель ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Щукин.

Ренат БЕККИН

МОКРАЯ КУРИЦА ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИЛИ КОГО ПРЕДАЛА ЗУЛЕЙХА?

*Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза. —
М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015.*

Шумный роман уроженки Казани Гузели Яхиной появился кстати. Сталин решительно утвердился нашим современником, и потому роман, действие которого разворачивается в сталинскую эпоху, обречен на равнодушие читателя. Почти все «толстые» журналы либеральной направленности в обеих столицах отозвались на получившую «Большую книгу» «Зулейху» благожелательными рецензиями.¹ Несостыковки в сюжете, недостоверность некоторых персонажей и прочие литературные огрехи произведения великодушно прощались Яхиной как дебютанту.

Затем с некоторым опозданием роман прочли те, кого принято именовать русскими патриотами. Реакция их была предсказуемой. Они находили в романе недостатки, которые в глазах либеральных авторов выглядели очевидными достоинствами. Яхину обвинили в «борьбе с прошлым»², не любви к России³ и других смертных грехах.

До земляков Яхиной роман дошел под самый конец года. Казалось бы, вот кто должен был обрадоваться: знай, мол, наших, без булдырабыз⁴ и все такое! Но вместо этого в казанских электронных изданиях появилось несколько рецензий, в которых автор романа и его героиня обвинялись ни больше ни меньше как в «национальном предательстве», «измене татарскому народу в угоду русским колонизаторам», «изыщном навете на татарский традиционный уклад», «манкуртизме» и др.

Один из рецензентов недолго думая так и назвал свой текст: «История одного предательства»⁵. Другие критики «Зулейхи» также не поскупились на громкие слова и выражения, характеризуя текст как «дешевый образец псевдотатарского колониального романа»⁶, а самого автора как «человека, продавшего свою нацию»⁷. Последний рецензент вообще усомнился в том, что Яхина сама от начала до кон-

¹ *Сергеева Н.* Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза. — Звезда, 2016, № 1; *Котюсов А.* Семруг — птица счастья. — Дружба народов, 2015, № 10; *Беляков С.* Советская сказка на фоне ГУЛАГа. — Урал, 2015, № 8 и др.

² *Артамонов В.* Гузель показала личико. — Литературная газета, 2015, № 50 (6536).

³ *Трапезников А.* «Свобода от» и «свобода для». — Литературная газета, 2015, № 38 (6526).

⁴ Без булдырабыз (татарск. мы можем) — неофициальный девиз Республики Татарстан.

⁵ *Айсин Р.* История одного предательства. <http://poistine.org/istoriya-odnogo-predatelstva#.V5mXeaOLXoQ>

⁶ *Хабутдинова М.* Если заглянуть в глаза Зулейхе. <http://kalebtatar.ru/article/2813>

⁷ Вахит Имамов о романе «Зулейха открывает глаза»: «У женщины для этого не хватит ума». <http://www.business-gazeta.ru/article/300676/>

да писала роман: «У женщины для этого не хватит ума, впрочем, ей этого и не нужно».

Пожалуй, стоило бы оставить без внимания эти гневные тексты. Они отражают не столько содержание самого романа, сколько внутренний мир людей, довольно своеобразно его прочитавших. Но есть одно обстоятельство, проигнорировать которое невозможно: Казань — не Москва, читатели здесь не только читают критические рецензии, но и прислушиваются к ним. После появления вышеупомянутых откликов на роман Яхиной немало людей стало воспринимать «Зулейху» как звонкую пощечину татарам и Татарстану. Мне неоднократно приходилось слышать такую фразу: «Роман Яхиной не читал(а) и читать не буду. Говорят, он татарофобский».

В чем же провинилась Гузель Яхина вместе со своей героиней перед казанскими татарами? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, будет уместно освежить в памяти сюжет романа.

1930 год. Тридцатилетняя Зулейха Валиева живет в деревне Юлбаш с мужем Муртазой и его матерью — слепой столетней старухой. Муж у нее подходящий: «недолго бьет, быстро остывает», а вот свекровь — та просто проходу не дает. Ругает и шпыняет по поводу и без повода. Кличет невестку «мокрой курицей», «жидкокровной», «маломеркой» и др. Зулейха зовет свекровь Упырихой. Про себя, конечно.

Утро Зулейхи начинается с выставляемого Упырихой в сени «судна» («из молочно-белого фарфора, с нежно-синими васильками на боку»).

Образ Упырихи, на мой взгляд, — наиболее убедительный в романе. В самом начале повествования она предстает злобной старухой-тираншей, владычицей морской, не знающей, чего ей еще пожелать. Но как преображается она, когда

заговаривает с сыном! Злобная мегера превращается в умиительно заботливую мать.

Неужели рецензенты, хором обвиняющие Яхину в незнании национального характера, никогда не встречали таких колоритных татарских мамаш, продолжающих нянчиться со своими сыновьями и не желающих делить их ни с кем, даже если у сыновей уже имеются собственные дети и внуки?

Упыриха была полновластной хозяйкой в доме при покойном муже и теперь требует беспрекословного подчинения со стороны невестки. В голодные годы Упыриха потеряла своих детей. Выжил только младший — Муртаза. Долго не могла и не хотела она отпустить его от себя. И только когда Муртазе стукнуло сорок пять, Упыриха смирилась — женила сына. В их с Муртазой мир входит посторонний — маленькая Зулейха. Упырихе кажется, что Зулейха недостаточно заботится о ее сыне. Что же тут необычного? Борьба между свекровью и невесткой — это классика жанра.

Упыриха вобрала в себя как положительные, так и отрицательные черты, присущие татарскому народу. Это самый полнокровный персонаж в романе. И потому упреки в том, что в лице Упырихи и ее сына Муртазы высмеян и унижен весь татарский народ (Р. Айсин, «История одного предательства»), звучат неубедительно.

Сын Упырихи Муртаза обрисован скупее. Это — «сильный мужчина, большой», обладатель «кустистых бровей», «курчавого живота» и «мохнатых плеч». Крепкий хозяйственник, как сейчас принято говорить. Дом — полная чаша. Но Зулейхе почему-то недоступны имеющиеся в изобилии блага. Идет борьба с кулаками. Муртаза и Зулейха ждут незваных гостей. Нужно срочно уничтожать продуктовые запасы, и Муртаза

запихивает себе в рот палку конской колбасы (казылык): «Слышно, как скрипят под крепкими зубами упругие конские жилы». Ест через не хочу, но жене не предлагает, хотя и казылыка, и другого добра хоть отбавляй. Зулейха лишь тайком «ворует» на чердаке пастилу, пока все спят. Не для себя — для духов, чтобы умиловить их. Прежде всего духа околицы, чтобы тот в свою очередь замолвил доброе словечко перед духом кладбища, где погребены четверо ее дочерей, умерших в младенчестве.

По роману, все, что знает Зулейха о религии и национальных легендах, усвоено ею в детстве от матери. Муртаза каждую пятницу ходит в мечеть и, возвращаясь, передает жене услышанное от «муллы хазрата». Но то ли мулла не очень красноречив, то ли Муртаза плохо доносит до жены слова проповеди — на ее мировоззрении это не сильно отражается.

Так и прожила бы Зулейха с Муртазой до самой смерти, если бы не коллективизация. Кто-то предупреждает их о предстоящей продразверстке. Муртаза с женой отправляются до рассвета на кладбище. Здесь, между могилами дочерей, они зарыли в деревянном ящике зерно. Лихо, конечно, придумано. Но, с другой стороны, почему бы и нет?..

На обратном пути им попадаются красноармейцы (красноордынцы, как называет их Зулейха). Красноордынцы спрашивают дорогу, но Муртаза, у которого нервы на пределе, замахивается на их главаря топором. Тот предупреждает удар выстрелом. Зулейха привозит убитого мужа домой, раздевает, укладывает в постель, ложится как ни в чем не бывало рядом. Утром являются те самые красноордынцы во главе с тем, кто накануне убил мужа, — Иваном Игнатовым.

Зулейхе дают классические пять минут на сборы. Игнатов доставляет рас-

кулаченных в Казань, в пересыльную тюрьму. Здесь, казалось бы, судьба должна была навсегда разлучить Зулейху и убийцу ее мужа. Но начальник и в прошлом боевой товарищ Игнатова — Бакиев приказывает ему сопровождать группу поселенцев до Сибири. Начинается долгая дорога на восток. В пути часть поселенцев умирает от невыносимых условий, часть — сбегает (как раз из того, восьмого, вагона, в котором едет Зулейха). Сама Зулейха отказывается присоединиться к беглецам. Куда ей, с ребенком Муртазы в животе? О своей беременности она узнает от гинеколога Вольфа Карловича Лейбе, чокнутого профессора, берущего ее под опеку во время долгого пути.

Если Зулейха поймет, что больше не может сносить лишения, у нее есть средство понадежнее: оставленный мужем кусок сахарной головы, пропитанный крысиным ядом, — на случай, если красноордынцы придут забирать лошадь по кличке Сандугач (Соловушка). Добрая Зулейха впервые послушалась мужа — пожалела животное вместе с жеребенком. Но и сахар тоже не выбросила.

После занявшей несколько месяцев дороги поезд прибывает в сибирский райцентр. Игнатов уверен, что миссия его на этом выполнена и он может наконец возвратиться в Казань. Однако местный чекист по фамилии Кузнец приказывает ему сопровождать поселенцев на барже по Ангаре — до пункта назначения. Игнатов поначалу отказывается, но Кузнец между прочим напоминает ему про побег из восьмого вагона и не советует торопиться с возвращением в Казань. Теперь уже у читателя не остается сомнений: Игнатов с ним, читателем, надолго и никуда не денется до конца романа...

Ржавая посудина «Клара» забита людьми сверх нормы. Во время начавшегося шторма она идет ко дну. Игнатов, задремавший на палубе, не успевает

открыть дверь в трюм, где содержатся спецпоселенцы. Триста человек гибнет в «метели белых пузырей» Ангары.

Спасаются только он и беременная Зулейха, оставленная по его распоряжению на верхней палубе, да еще несколько матросов. Осколок сахарной головы растворяется в водах Ангары. Зулейха видит в этом знак: нужно жить дальше и перестать думать о смерти как способе избавления от страха, голода, неопределенности. Вскоре в пункт назначения на катере вместе с Кузнецом прибывают старики, которые не поместились на злосчастную «Клару». Это были самые слабые люди, которые могли не вынести пути в набитом до отказа трюме баржи.

Кузнец приказывает Игнатову ждать его возвращения, и тот остается вместе с выжившими поселенцами. Всего их тридцать, включая самого Игнатова...

Неплохое начало для робинзонады. Оторвавшиеся от корней, как сказали бы критики романа, переселенцы пытаются выжить. Всякому находится дело по душе. Каждый оказывается на своем месте. Игнатов каждый день ходит на охоту. Чуваш Лукка Чиндыков обеспечивает переселенцев рыбой. Излечившийся от состояния, близкого к помешательству, профессор медицины Лейбе собирает в лесу полезные травы. Он же принимает у Зулейхи удачные роды. Вопреки пророчествам Упырихи, у «жидкокровой» Зулейхи рождается мальчик. Здоровый мальчик. Это само по себе чудо — после всего, что перенесла за последнее время Зулейха.

Проходят недели, а Кузнец, обещавший вскоре возвратиться со сменщиком Игнатова, так и не появляется. Люди остаются на зимовку. Под руководством опытного крестьянина Авдея Богатыря поселенцы, состоящие частью из раскулаченных крестьян, частью — из ленинградской интеллигенции, роют землянку.

Но Игнатов не простой буржуазный Робинзон, а советский. С одной стороны, его задача — обеспечить выживание подопечных Пятниц, с другой стороны, он должен организовать для них новую жизнь с чистого листа, перевоспитать их.

Только весной объявляется Кузнец с новой партией поселенцев. Увидев обросшего, в истрепанной одежде Игнатова-Робинзона, Кузнец поражен, что тот вместе со своими подопечными уцелел. Вскоре на месте зимовья спасшейся группы вырастает небольшой поселок. У него появляется необычное имя: Семрук.

Некоторые критики увидели в «Зулейхе» роман о ГУЛАГе. Это не так. Яхина написала роман о Семруке. Семрук — это ГУЛАГ наоборот, анти-ГУЛАГ.

Гоголь в «Вечерах на хуторе...» придумал свою Украину, имевшую мало общего с реальной Малороссией. Яхина придумала страну Семрук. Это не Казань и не Ленинград. Это забытое богом место на реке Ангаре. Как писал тот же Гоголь, «хоть три года скачи, никуда не доскачешь». До Семрука можно добраться лишь водным путем из города Н. Здесь от каждого берется по способностям, каждый занят любимым делом. Единственный отрицательный герой в поселке — бывший уголовник Горелов. Но и ему не удается проявить своих отрицательных качеств в идеальном семрукском обществе. Горелов строчит доносы Кузнецу, но районное начальство до поры не реагирует на поступающие сигналы.

Во главе этого «Города Солнца» стоит рефлексирующий чекист Игнатов, которому по ночам являются утопшие по его недосмотру пассажиры «Клары». Разве мог протянуть такой «плачущий большевик» в условиях обычного ГУЛАГа до 1946 года? Конечно же нет. А в Семруке смог, потому что здесь все по-другому.

В поселке Семрук рождается новый человек. Национальные и религиозные различия не имеют больше никакого значения. И не потому, что начальство приказало отказаться от веры предков. Слишком далеко закинула судьба этих людей. Аллах не видит ее здесь, в этом медвежьем углу, решает Зулейха, иначе он давно бы отправил на тот свет ее сына Юзуфа, как предрекала свекровь. А духи, для которых она воровала пастилу, остались в Юлбаше.

Единственный, кто последовал за Зулейхой из ее прежней, досемрукской жизни на Ангару, — это Упыриха. Вернее, не сама Упыриха, а ее призрак. Обычно он является, когда стемнеет. Бывает, постоит, как тень отца Гамлета, и уходит, а иногда, перед тем как исчезнуть, произносит свои пророчества или упрекает, как в той, прежней, жизни. Но это уже не та Упыриха. В Семруке она выступает уже не как притеснитель Зулейхи, но как «громкий голос ее совести», если перифразировать высказывание М. Ганди.

Зулейха часто рассказывает сыну легенду о птице Семруг, или Шах-птице. В царстве птиц начался разлад. Тогда решили пернатые разыскать Шах-птицу и попросить ее стать их царицей. После долгих поисков лишь тридцати самым упорным птицам удалось добраться до самых вершин мироздания. И тогда поняли они, что Семруг — это они все вместе и каждая по отдельности. Красивая легенда, в которой воспевается сила духа, умение преодолеть любые невзгоды и выжить, сохранив в себе лучшие человеческие качества.

Если бы Яхина закончила свой роман 1945 годом, то его и впрямь можно было бы назвать утопией. Но в 1946 году в Семрук приезжает катер. Среди его пассажиров — бравый офицер в фуражке с малиновым околышем. Это лейтенант госбезопасности Горелов. Его появление знаменует конец рая в отдельно взятом

поселке. Утопия оборачивается антиутопией. Маленький мир идеального Семрука обречен.

Первым делом бывший урка направляется к Игнатову и прозрачно намекает, кто теперь здесь главный. Вслед за Гореловым прибывает и сам Кузнец. Еще в начале войны тогда еще лейтенант Кузнец предлагал Игнатову «обнаружить» в лагере профашистские элементы, разоблачить заговор и таким образом получить повышение. Но семрукский Робинзон сделал вид, что не понял приятеля. Кузнец, до этого регулярно наезжавший в Семрук попариться, выпить и покаяться о жизни, быстро охладел к Игнатову. Теперь он прибыл с приказом об увольнении бывшего собутыльника из органов.

Идиллия кончается. Многие из старожилов Семрука к тому времени уже умерли. Профессор Лейбе был отправлен на работу в больницу райцентра, художник Иконников ушел на фронт и каким-то образом очутился в конце войны в Париже. Из старожилов кроме Горелова остались только сам Игнатов, Зулейха и ее сын Юзуф.

Ученик Иконникова Юзуф тоже мечтает стать художником. Он задумал бежать из Семрука в Ленинград, поступить в Академию художеств. Ленинград, конечно, далеко от поселка на Ангаре, но ведь Париж еще дальше, а Иконников все-таки сумел добраться до манившего его города. Юзуф скрывает свое намерение от всех, даже от матери, но та случайно узнает о планах сына. Первая реакция матери: не пушу! Но, взяв себя в руки, Зулейха идет к Игнатову.

Момент для визита не самый удачный. Игнатов после появления Горелова с минуты на минуту ждет Кузнеца с приказом о его отставке. Завидев приближающийся катер, Игнатов отсылает Зулейху.

Кузнец дает Игнатову пять минут на сборы. За это время Игнатов сжигает

ет старую метрику Юзуфа и составляет новую. С таким, правильным, документом «сын красноармейца» Юзуф Игнатов имеет право поступить в академию. Убийца Муртазы спасает его сына. С восцарением в Семруке Горелова художника Юзуфа ждала бы незавидная судьба.

Зулейха провожает сына до места, где укрыта лодка, завещанная Юзуфу рыболовом Луккой, а затем долго еще стоит на утесе: «Лодка удаляется, уменьшается — а глаза ее видят мальчика все лучше, яснее, отчетливее. Она машет до тех пор, пока его бледное лицо не исчезает за огромным холмом. И еще много после, долго машет».

Будь на ее месте Упыриха, она бы ни за что не отпустила сына. Но это отнюдь не означает, что Зулейха любит своего сына меньше, чем Упыриха своего — или наоборот. Мы лишь имеем дело с разными проявлениями безграничной материнской любви. Для обеих женщин весь смысл их существования заключается в сыновьях. Только у Упырихи эта любовь собственническая, а у Зулейхи — жертвенная. Напомним, что и сам Муртаза собирался бежать в лес, оставив мать на попечение Зулейхи. Пуля Игнатова помешала этому.

К слову, Упыриха, вернее ее призрак, косвенно благословляет такое решение Зулейхи. Юзуф взрослеет. Целые дни проводит в мастерской: рисует. Зулейха переживает, что отчуждение между ними усиливается. И вот оно, ужасное открытие: сын собирается бежать, бросить ее здесь. В этот момент является Упыриха: «Зулейха хочет оттолкнуть Упыриху, замахивается — но вместо этого почему-то падает ей на грудь, обнимает могучее тело, пахнущее не то древесной корой, не то свежей землей. Утыкается лицом во что-то теплое, плотное, мускулистое, живое, чувствует сильные руки — на спине, на затылке, вокруг себя, везде. Слезы подступают к горлу, веревкой свивают

глотку — Зулейха плачет, уткнувшись в грудь свекрови, долго и сладко. Слезы льются так щедро и стремительно, что кажется — не из глаз, а откуда-то со dna сердца, подгоняемые его частым и упругим биением. Минуты, а может, часы спустя, выплакав все не выплаканное за годы, она успокаивается, приходит в себя. Еще спешит дыхание, еще вздымается судорожно грудь, но уже разливается по телу долгожданное усталое облегчение... Зулейха удивленно отстраняется, чтобы заглянуть свекрови в глаза. Лицо старухи — темно-коричневое, в крупных извилистых морщинах. Да и не лицо то вовсе — древесная кора. В объятиях Зулейхи — старая корявая лиственница... Зулейха утирает со щек прилипшие куски коры и хвои, бредет из тайги обратно в поселок». После этого символического примирения Упыриха больше не тревожит Зулейху.

Как видно, роман Яхиной многослойный, неоднозначный. Наряду с шаблонными или заимствованными из советской классики образами⁸ (вроде питерского рабочего Денисова) в «Зулейхе» действуют сложные характеры, выдуманные или удачно подсмотренные автором.

Но эволюция героев почему-то выпала из поля зрения критиков романа. Игнатов представляется как убийца Муртазы, а Зулейха — как предательница, «прыгнувшая в кровать к убийце своего мужа» (Р. Айсин).

Татарский драматург Батулла упаковал сюжет романа в одну фразу: «Забитая татарка, у которой убили “хорошего мужа”, выходит замуж за убийцу собственного мужа»⁹. Пожалуй, если бы М. Хабутдинова, Р. Батулла, Р. Айсин

⁸ При этом ничем не обоснованным выглядит утверждение М. Хабутдиновой в вышеупомянутой статье, что «казанские главы о гинекологе Лейбе представляют собой низкосортную копию соответствующих глав из “Собачьего сердца” М. Булгакова».

⁹ Батулла Р. Что увидела Зулейха, когда открыла глаза? — «Казанские ведомости», 2016, № 9, 26 января.

и прочие критики писали рецензию на роман И. А. Гончарова «Обломов», то они бы представили его как историю о мужике, который целыми днями лежал на диване, а потом помер. А еще бы им показалось, что это русофобский роман, потому что русский Илья Ильич показан каким-то нелепым и «приниженным» на фоне умного немца Штольца.

На самом деле героиня романа не выходит замуж за Игнатова, несмотря на уговоры последнего. Игнатов не воспитывал сына Зулейху и Муртазы, как утверждает тот же Батулла. Более того, на протяжении всего романа нет ни слова о каком-то общении Юзуфа с Игнатовым. Что касается новой фамилии, то не Юзуф или Зулейха меняют ее. Сам Игнатов делает это. В невероятной спешке перед побегом Юзуфа.

Самое простое, что могла сделать Зулейха для спасения себя и своего малолетнего сына, — это стать любовницей или женой Игнатова. Тем более что он ей был небезразличен, а сердцу, как известно, не прикажешь. Но этого не происходит. Долгие годы Зулейха борется с чувствами, не смея приблизиться к Игнатову. И лишь восемь лет спустя сдается. Она, казалось бы, обретает свое женское счастье. Сын уже вырос, его жизни, как в первые годы, ничто не угрожает. Но она ошибается.

Возвратившись однажды от Игнатова, Зулейха видит, что постель сына пуста. Бросается на поиски. Сначала она находит сломанные лыжи, затем видит сына, забравшегося на высокое дерево. Под деревом — стая волков. Ставшая к тому времени опытной охотницей, Зулейха истребляет хищников. Сын спасен, но после пережитого заболевает и находится между жизнью и смертью. Зулейха видит в этом знак и принимает это как справедливое наказание за ее грех. После выздоровления сына она уже не возвращается к Игнатову. Увидеть за всем этим лишь

банальное предательство может только человек, не способный к вдумчивому прочтению.

Но не только предательство «раскрыли» в романе Яхиной бдительные казанские критики. Филолог М. Хабутдинова увидела в нем оправдание сталинских репрессий: «Браво Яхиной, создавшей воистину гимн в честь репрессий как необходимой ступени в духовном самосовершенствовании советского человека!!!» Вот уж действительно: воистину. Но и этого критику мало. «Г. Яхина предлагает своим соплеменникам стать частью расы господ колониальных империй», — пишет М. Хабутдинова. Само произведение характеризуется как «дешевый образец псевдотатарского колониального романа». Но далее Хабутдинова замечает, что «духовным центром Казани в течение двух веков выступал Казанский университет — один из краеугольных символов российской науки и культуры». Помилуйте, но ведь основанный в 1804 г. Казанский университет был одним из проявлений того самого «колониализма», за который Хабутдинова так поносит Яхину!

Другим ориентиром духовности в глазах Хабутдиновой выглядит Казань 1920—1930 гг.: «В романе не упоминаются имена представителей национальной интеллигенции, — сетует Хабутдинова. — Очень жаль, что жительнице Казани не удалось создать реалистичный бессмертный образ Казани 1920—1930-х гг.». Да ведь роман же не о Казани! Кстати, на фоне развлечений казанской богемы того времени Зулейха, которая топит по ночам баню и «ворует» пастилу для духов, выглядит образцом традиционализма и добропорядочности.

От рецензий казанских авторов веет какой-то местечковой любовью-ненавистью к Москве, свойственной многим провинциалам. С одной стороны, Москва — сосредоточие всего плохого, что есть в мире, с другой — каждый стре-

мится туда попасть. Иначе нельзя понять упреки, адресованные автору «Зулейхи»: «Видимо, годы работы в пиар-агентстве Москвы наложили свой неизгладимый отпечаток...», «долгие годы интеллектуального кружения в московско-либеральных кругах».

Читая подобные рецензии, понимаешь отчасти причины успеха Яхиной. Ей удалось преодолеть местечковость татарской литературы, стать интересной не только узкому кругу любителей «национальной словесности». За такие вещи принято говорить спасибо. Но, видимо, не в Казани.

В Интернете развернулась дискуссия: стоит ли считать Яхину татарской писательницей? Роман ее написан на русском языке, и потому она прежде всего русский писатель. Но для казанских критиков Яхиной дело не в языке. Татарский писатель — это титул, который нужно заслужить: «Яхина не может быть той, кто способен описывать драму татарского народа. Потому что она не принадлежит к его культурно-духовному кругу» (Р. Айсин). Кто принадлежит к этому кругу, рецензент не уточняет.

Сейчас в Казани готовится перевод книги на татарский язык. Быть может, чтобы не травмировать местную творческую интеллигенцию, стоит сделать этот перевод адаптированным для казанских читателей?

Существует легенда, что во время гражданской войны в Испании участникам интернациональных бригад демонстрировался фильм «Чапаев». Всякий раз, когда Чапай в конце фильма тонул в Урале, в зрительном зале раздавались гневные крики и даже выстрелы. И тогда режиссеры фильма братья Васильевы пошли навстречу аудитории. Переделали финальную сцену. Чапаев больше не тонул, а благополучно doplывал до другого берега. Народ был доволен.

Может, стоит таким же образом поступить и с «Зулейхой»? Попросить Яхину исправить концовку. Зулейха после XX съезда возвращается в родную деревню. Находит могилы Муртазы и Упырихи, плачет и просит у них прощения. К ней возвращается из Ленинграда сын, разочаровавшийся в искусстве и пресытившийся соблазнами большого города. И они начинают жить-поживать, занимаясь сельским хозяйством. Благо Хрущёв разрешил увеличить размеры приусадебного хозяйства, а налог на него снизил.

Так живут Юзуф с Зулейхой долго и счастливо. Юзуф большой и сильный, а Зулейха стареет, она уже потеряла слух и зрение. И каждое утро молодая жена Юзуфа выносит на двор Зулейхин горшок из «молочно-белого фарфора, с нежно-синими васильками на боку»...

Но Яхину, к счастью, переводят не только на татарский. Впереди у писательницы несомненный успех на Западе. В «Зулейхе» есть все, что составляет привычный рацион западного читателя: и «постколониализм», и «гендер». Для поклонников Мишеля Фуко найдется немало примеров на тему власти и подчинения. А случай профессора Лейбе просто словно сошел со страниц «Истории безумия в классическую эпоху».

Благодаря роману немало читателей в мире впервые услышат о существовании такого народа, как татары. Уже за одно это стоит сказать Гузели Яхиной: зур рахмат¹⁰.

Похоже, казанские критики романа придерживаются принципа: о татарах либо хорошо, либо ничего. Но так говорят лишь о покойниках. А татарский народ не только жив, но и полон сил. По крайней мере, такие выводы можно сделать, внимательно прочитав роман Гузели Яхиной.

¹⁰ Зур рахмат (татарск.) — большое спасибо.